

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

УДК 061.6

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ В 1945–1949 гг.

© 2019 г. **О. Г. Миронов**

Федеральный исследовательский центр «Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН»,
Севастополь, Россия
E-mail: mironov_33@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2019; после доработки 01.08.2019;
принята к публикации 25.09.2019; опубликована онлайн 30.09.2019.

Описаны быт, взаимоотношения и условия работы сотрудников Севастопольской биологической станции в первую послевоенную пятилетку — в 1945–1949 гг.

Ключевые слова: Севастопольская биологическая станция

В книге В. А. Водяницкого [1] периоду первой пятилетки после войны отведено около 10 страниц, и посвящены они общим проблемам развития Севастопольской биологической станции (далее — СБС). Там есть такие строки: «В частично отремонтированном здании станции жили учёный секретарь М. А. Долгопольская, её муж В. А. Паули, хозяйственник Н. М. Сабанов и его жена, бухгалтер С. Н. Сабанова. Здесь же поселился микробиолог Ф. И. Копп с женой. Из Симферополя прибыла библиотекарь А. Н. Шаврова. Приехали гидрохимик М. А. Добржанская и зоопланктонист Г. Н. Миронов». Как же они жили, какими были их быт и взаимоотношения?

По современной нумерации помещений, семья Мироновых из трёх человек размещалась в комнате 32. У меня остались воспоминания о ней в день 22 июня 1941 г. После ночного взрыва немецкой противокорабельной мины у Памятника затопленным кораблям (налёт начался в 03:15) весь пол комнаты был засыпан осколками стекла; валялись вырванные оконные рамы; лёгкая перегородка, разделяющая комнату и коридор, была частично повалена. В комнате 31 была та же картина разрушений.

После ночной постановки мин в Севастопольской бухте предполагалось, что город будут бомбить. Детей сотрудников станции решили защитить, спрятав в маленькой тёмной комнате, над которой возвышались четыре этажа перекрытий. Тогда я впервые увидел Н. М. Сабанова, вместе с другими мужчинами стаскивающего в эту комнату матрацы (на них дети провели ночь). Теперь мимо незаметной двери в нише этого помещения проходит каждый, кто спускается по лестнице в «офис» Аквариума.

Больше на этаже, где размещались комнаты 31 и 32, отремонтированных помещений не было. В коридоре, который ведёт в них от лестничного пролёта, отсутствовала крыша, как и в современных помещениях 29 и 30, засыпанных тогда строительными обломками. Вместо крыши были набросаны доски, которые немного защищали от дождя и снега.

На площадке, где был установлен один из баков для запасов морской воды, зиял дверной проём (сейчас это комната 34а). Баки хорошо видны на первых фотографиях СБС. Поднявшись к баку, слева можно было увидеть провал, заваленный обломками крыши и этажным перекрытием современного конференц-зала. Справа можно было протиснуться и спуститься на крышу комнаты, в которой сейчас находится отдел кадров.

Этажом ниже, где теперь помещения 25 и 26, располагались Водяницкие. В комнате 26 была спальня, а в 25 — жилое помещение, оно же кабинет директора.

Прямо под ними (в комнате, где сейчас архив) была бухгалтерия. Рядом жили Сабановы (теперь там библиотека). В помещении, где ютилась бухгалтерия, раз в неделю после окончания рабочего дня проходили политзанятия по истории ВКП(б) для обслуживающего персонала. Научные сотрудники самостоятельно изучали труды классиков марксизма-ленинизма, писали конспекты, проводили семинары. В то время подобным мероприятиям придавали большое значение, их контролировали вышестоящие партийные органы. Вначале на СБС был только один коммунист — Г. Е. Иванов, работавший шофёром. В дальнейшем он стал секретарём парторганизации биостанции и с гордостью говорил: «Я принял в партию Владимира Алексеевича». Руководитель учреждения не мог оставаться беспартийным.

В помещении, где сейчас находится отдел кадров (оно было без перегородки), размещалась лаборатория фито- и зоопланктона. Там проводили собрания. Этажом ниже, в комнате 12, принадлежащей теперь отделу морской санитарной гидробиологии, формировалась гидрохимическая лаборатория.

Помещения отапливали печами. Уголь для них привозили грузовиками и ссыпали в люк у торца северного крыла, выходящего на Приморский бульвар (см. рис. 1). По жёлобу уголь попадал в помещение (2), откуда сотрудники носили его вёдрами к себе. Там в дальнейшем построили котельную.

Ни воды, ни канализации первое время не было. Воду и сотрудники, и жители близлежащих развалин брали из единственного крана (1), который располагался в нише сбоку от лестницы, ведущей к зданию. Содержимое «ночных ваз» выбрасывали в выгребную яму, находившуюся там, где впоследствии оборудовали хоздвор, мастерские и гараж. Довольно скоро над выгребной ямой сделали из досок туалет, и им пользовались пленные немцы, восстанавливавшие здание СБС. Выглядели они как люди, которых содержали в весьма удовлетворительных условиях, чего не скажешь о наших пленниках, увиденных мной в оккупированной Феодосии.

Неудобства были и с электричеством. У нас, в комнате 32, отсутствовали розетки, а единственная лампочка висела на проводе в центре помещения. В те времена очень выручали «жулики». Лампочку вкручивали не непосредственно в патрон, а во ввинченный в него «жулик», в верхней части которого имелись две пары отверстий для вилок электроприборов. Таким образом, при необходимости можно было пользоваться утюгом и электроплиткой одновременно. В дневное время лампочку чуть-чуть выкручивали, чтобы она не светила.

Рис. 1. Лестница у входа в здание Севастопольской биологической станции. Пояснения к (1) и (2) см. в тексте

Рис. 1. Staircase at the entrance to the building of the Sevastopol Biological Station. Explanations for (1) and (2) see in the text

На основные продукты существовали карточки, и нормы были маленькими. Для помощи сотрудникам В. А. Водяницкий посылал станционную полуторку в Курск за картошкой. На этой же полуторке организовывали загородные экскурсии сотрудников СБС (рис. 2).

Рис. 2. Сотрудники Севастопольской биологической станции на экскурсии:
 1 — Николай Иванович Сабанов;
 2 — Мина Айзиковна Долгопольская;
 3 — её сын Буся (Александр), в будущем — лаборант лаборатории Г. Г. Поликарпова;
 4 — Софья Николаевна Сабанова;
 5 — Нина Васильевна Морозова-Водяницкая;
 6 — Ольга Александровна Галаджиева;
 7 — Гавриил Ефремович Иванов, водитель;
 8 — Константин Михайлович Ковальчук, механик, в будущем — главный инженер Института биологии южных морей;
 9 — Олег Глебович Миронов

Fig. 2. Sevastopol Biological Station employees on excursion:
 1 – Nikolai Ivanovich Sabanov;
 2 – Mina Aizikovna Dolgopol'skaya;
 3 – her son Busya (Aleksandr), in the future – assistant in G. G. Polikarpov's laboratory;
 4 – Sof'ya Nikolaevna Sabanova;
 5 – Nina Vasil'evna Morozova-Vodyanitskaya;
 6 – Ol'ga Aleksandrovna Galadzhieva;
 7 – Gavriil Efremovich Ivanov, driver;
 8 – Konstantin Mikhailovich Koval'chuk, mechanic, in the future – chief engineer of Institute of Biology of the Southern Seas;
 9 – Oleg Glebovich Mironov

Возле Артбухты был открытый базарчик. Там располагались палатки с овощами и рыбный ряд, где по утрам торговали местные рыбаки. Несколько далее базарчика по субботам и воскресеньям функционировала «барахоловка», которую в поисках экзотики посещали М. А. Добржанская и Ф. И. Копп. Мария Александровна каждый раз возвращалась с каким-нибудь трофеем.

В новогоднюю ночь 1945–1946 гг. Водяницкие пригласили всех научных сотрудников в нынешнюю комнату 25. Праздничный стол собирали в складчину.

Ф. И. Копп пришёл со своей стопкой из чёрного серебра. Это была настоящая чарка объёмом 123 мл, на которой славянской вязью было выведено «Только одну». С ней Филипп Исаакович ходил на все застолья.

Дома этот удивительный человек держал небольшой террариум, в котором жил тарантул. Ф. И. Копп собственноручно ловил мух для его кормления.

В упомянутой книге «Записки натуралиста» [1] есть фраза: «К сожалению, не долго прожили после окончания войны М. А. Галаджиев и Ф. И. Копп». М. А. Галаджиева я не помню, зато от О. А. Галаджиевой у меня сохранился географический атлас 1930 г. издания с надписью: «Милому Олегу Миронову от О. А. Галаджиевой».

Несмотря на трудности, возник вопрос о проведении исследований в Севастопольской бухте. Плавсредств для отбора проб не было. В те годы южное и западное побережье Артиллерийской бухты не были забетонированы. Там базировались несколько десятков рыбацких яликов, в основном плоскодонки, вместимостью 1–2 человека. Владимир Алексеевич решил приобрести такой ялик и поручил это дело Г. Н. Миронову. Глеб Николаевич рассказывал, что один из рыбаков, расхваливая свою плоскодонку, сказал: «Да я на ней в свежую погоду до ревуна ходил». Ревун — это гидрографическое устройство (буй). Он стоял на якоре недалеко от входа в Севастопольскую бухту. Старожилы помнят его стонущие-воющие сигналы при усилении волнения моря. Договорились за одну тысячу рублей (это происходило до денежной реформы 1947 г.).

Ялик покрасили. Вместо старого названия («Инвалид») появилось новое («Тередо»). В летнее время ялик стоял на бакштове (тросе с кормы шлюпки, стоящей на якоре), который крепился к набережной напротив СБС. На нём успешно проводили отбор проб планктона (горизонтальный и вертикальный лов). Один раз попробовали на нём драгировать, но потеряли драгу. При встречной волне или даже волне от катера грести на «Тередо» было трудно. При ударе о волну ялик терял ход, необходимо было каждый раз преодолевать «энергию покоя», о которой нам говорили в школе. Однажды во время штормовой погоды бакштов порвался, какое-то время ялик оставался на плаву, а затем перевернулся, но продолжал держаться благодаря воздушной подушке. Немцы, которые работали на восстановлении южного крыла станции, качали головами и говорили: «Капут!» На следующий день, когда погода улучшилась, ялик перевернули, а воду вычерпали. Ялик опять оказался в рабочем состоянии.

В то время практически все плавсредства, включая большие рыбацкие лодки, ходили на вёслах. Я наблюдал из окна, с каким трудом рыбаки выгребали зимой против сильного норд-оста, возвращаясь из Артбухты на Северную (некоторые из них жили в пещерах на скалистом берегу, где сейчас стоит памятник Славы воинов 2-й гвардейской армии).

Лодки связывали центр города, Северную и Корабельную сторону (Павловский мысок). Стоимость проезда на Павловский мысок составляла 20 коп. Когда лодка отходила от пристани, рыбак передавал пассажирам пустую консервную банку, чтобы они бросали туда мелочь. Сдачу с бумажного рубля брали самостоятельно. Когда Мария Александровна Добржанская пользовалась таким видом транспорта, она всегда клала в банку рубль и не брала сдачу: «Им и так тяжело».

Спустя некоторое время появилось ещё одно плавсредство: рыбаки, принятые в штат биостанции, переделали четырёхвёсельный ял. Получился удобный для работы ялик, правда в вёсельном варианте. Им мог управлять один человек. Габариты ялика позволяли опускать и поднимать мережку для ловли рыбы. Одна мережка ставилась на подводную косу, являющуюся продолжением мыса Хрустальный, а вторая — мористее Памятника затопленным кораблям. Вместе с рыбой попадались травяные крабы. Один из рыбаков, когда было его дежурство, вытаскивал крабов и с остервенением разбивал о планширь ящика. Я спросил: «За что?» Он ответил: «Мерзкие травяшки, только рыбу портят».

Во время штормовой погоды мережку уносило от места установки. Когда море утихало, её искали, опустив за борт якорь-кошку из толстой проволоки и передвигаясь галсами над возможным районом нахождения сетей. В большинстве случаев после непогоды приходилось доставлять разорванные мережки на берег, освобождать от водорослей и зашивать. Вместе с крылом конструкция имела длину несколько десятков метров, поэтому занимались починкой мережки на набережной, между биостанцией и восстанавливаемым зданием Института физических методов лечения (его реконструировали как Дворец пионеров). Рыбаки страдали во время починки мережки: летом всё, что застревало в сети (водоросли, медузы, капли морской воды), высыхало и превращалось в пыль, попадавшую в глаза и носоглотку.

Появление нового плавсредства, которое нарекли «Ульянин», значительно расширило возможности сбора материала, в том числе планктона. С тех пор на подоконнике в коридоре, ведущем к морю, выставляли банки, на которых писали, кому из сотрудников какой планктон нужен. Утром, к началу рабочего дня, отобранные пробы уже стояли на окне.

Рыбаки жили тут же, на станции, а их принадлежности (вёсла, багры, вёдра, сети) хранились в помещении, где сейчас ларёк Аквариума. Связи с демонстрационным залом комната тогда не имела. Вход был из коридора (теперь он заложен).

Иногда планктон нужно было отбирать вечером. Эту процедуру рыбаки не любили, хотя плановые суточные станции проводили безропотно. Однажды я стал свидетелем такого разговора между «заказчиком» и рыбаком:

— Надо сходить по бухте, взять горизонтальный и вертикальный лов.

— Да куда идти? Посмотрите на море: норд-ост стенку поставил, линия горизонта поломана, ревун стонет, уключины скрипят.

— Да это же в бухте. Я для уключин смазку дам.

— Да мы что, против? Сейчас сделаем.

Вёсла на плечи — и к ялику.

Из посещающих биостанцию учёных запомнился профессор Н. И. Тарасов. Он приезжал на СБС и занимался акустикой. Николай Иванович со своими приборами размещался на первом этаже. Однажды он пригласил меня «послушать море» и долго объяснял, кто является источником того или иного звука. Я ничего не понял и запомнил только pistolетные щелчки рачка альфеуса.

Спустя несколько лет, когда уже была восстановлена центральная часть здания, а я учился в старших классах, Николай Иванович (естественно, по согласованию с моим отцом) попросил ему помочь. На крыше центральной части здания (четвёртый этаж ещё не был построен) установили теодолит, который наводили на буи, располагавшиеся возле Константиновской и Михайловской батарей. Работу проводили совместно с Черноморским флотом. В согласованное время в бухту входил эсминец, и в момент прохождения им ворот в боновых ограждениях я должен был выпустить из ракетницы ракету. Далее в мою задачу входило включение секундомера при прохождении форштевня корабля через первую точку и выключение при прохождении через вторую. Такую процедуру проводили иногда дважды в день. Корабль разворачивался, выходил из бухты, а потом вновь в неё заходил. Данные секундомера я передавал Николаю Ивановичу.

На плоской крыше собирался снег, и его приходилось периодически убирать. Однажды этой процедурой занимались В. А. Водяницкий и Г. Н. Миронов. Я присоединился к ним — стал скатывать и сбрасывать большие комья. «Только не бросай их на крышу Аквариума», — сказал мне Владимир Алексеевич. Он иногда поднимался на крышу СБС и любовался открывшейся панорамой, а снег мог подпортить вид.

Небольшой коллектив биостанции жил дружно, хотя и были некоторые нюансы. Библиотекарь Александра Николаевна Шаврова держала кота Мурика, любившего сидеть или лежать посредине коридора. Владислав Львович Паули, который очень плохо видел, часто об него спотыкался. По вечерам Александра Николаевна выпускала Мурика погулять и оставляла входную дверь полуоткрытой, подкладывая консервную банку. Владислав Львович выходил из комнаты, где жил с женой и сыном (она находилась там, где сейчас отдел бентоса), спускался на несколько ступенек, подходил к входной двери и ногой вышибал банку. Поздним вечером из-под закрытой двери на весь Приморский бульвар раздавались вопли кота. Александра Николаевна спускалась с третьего этажа и впускала своего питомца.

Жизнь продолжалась. Возрождалось здание, приходили новые сотрудники... В 1947 г. отменили карточки. Пленных немцев и румын отправили домой. В дальнейшем Севастопольскую биологическую станцию восстанавливали наши строители.

Первая послевоенная пятилетка подходила к концу, и перед СБС открывались новые научные горизонты. В разделе о 1950–1954 гг. В. А. Водяницкий писал [1]: «Станцию посетил академик — секретарь Отделения биологических наук (АН СССР. — О. М.) А. И. Опарин. Разговор касался её деятельности и судьбы. «Станция, несомненно, будет институтом», — сказал Александр Иванович».

Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ ИнБЮМ по теме «Молисмологические и биогеохимические основы гомеостаза морских экосистем» (№ гос. регистрации АААА-А18-118020890090-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Водяницкий В. А. *Записки натуралиста*. Москва: Наука, 1975. 192 с. [Vodyanitsky V. A. *Zapiski naturalista*. Moscow: Nauka, 1975, 192 p. (in Russ.)]. <https://repository.marine-research.org/handle/299011/1129>

SEVASTOPOL BIOLOGICAL STATION IN 1945–1949

O. G. Mironov

A. O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas of RAS, Sevastopol, Russian Federation
E-mail: mironov_33@mail.ru

Life, relationships and working conditions of employees of the Sevastopol Biological Station in the first five years after the war (1945–1949) are described.

Keywords: Sevastopol Biological Station